

Рѣчь, произнесенная въ актовомъ залѣ С.-Петербургской духовной академіи въ день столѣтняго юбилея со дня рожденія покойнаго прот. Г. П. Павскаго ¹⁾, 4 марта 1887 года, доцентомъ академіи Иваномъ Троицкимъ.

Ученая дѣятельность протоіерея Герасима Петровича Павскаго.

Преосвященнѣйшіе Архипастыри
и Милостивые Государи!

Сегодня исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія покойнаго протоіерея Г. П. Павскаго, профессора петербургской духовной академіи и дѣйствительнаго члена Императорской академіи наукъ. Память о немъ весьма тѣсно связана съ исторіей нашей академіи. Г. П. былъ студентомъ 1-го академическаго курса, 1-мъ магистромъ и 1-мъ докторомъ богословія изъ воспитанниковъ петербургской академіи, въ теченіе долгаго времени, съ 1814—1835 г.,

¹⁾ Г. П. П., сынъ діакона с. Павъ, лугскаго уѣзда, петербургской губерніи, родился 1787 г., марта 4 дни, обучался первоначально въ петербургской духовной семинаріи, потомъ въ петербургской духовной академіи, гдѣ по окончаніи курса въ 1814 г., состоялъ бакалавромъ, а потомъ (съ 1818 года) профессоромъ еврейскаго языка до 1835; съ 1819—1827 г. состоялъ также профессоромъ богословія въ петербургскомъ университетѣ, съ 1826—1835 г.—законоучителемъ Наслѣдника престола, покойнаго Императора Александра II и великихъ княгинь Маріи, Ольги и Александры Николаевны; съ 1836 года, по увольненіи отъ должности законоучителя Наслѣдника и профессора Академіи, состоялъ протоіереемъ Таврическаго дворца; въ 1859 году былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорской академіи наукъ; скончался 7 апрѣля 1863 г. и погребенъ на кладбищѣ Фарсороваго завода.

состоялъ въ ней наставникомъ еврейскаго языка, причеиъ положилъ прочное основаніе переводу св. Писанія на русскій языкъ, въ которомъ наша академія впослѣдствіи принимала особенно большое участіе, и наконецъ въ своей ученой личности представилъ какъ бы фокусъ, въ которомъ сосредоточиваются черты научнаго направленія нашей академіи вообще; такъ что академія имѣетъ основаніе, частію въ уваженіе памяти своего славнаго дѣятеля, частію въ интересахъ собственнаго самопознанія, вспомнить о дѣятельности своего достойнѣйшаго питомца и наставника. Но если когда, то именно въ этотъ день, въ день столѣтія со дня рожденія Г. П., академіи прилично вспомнить о его дѣятельности, подвести итогъ его уже угасшей жизни, указать на ту сумму добра, которую внесла его жизнь въ общую сокровищницу русскаго прогресса, и на тѣ сферы, гдѣ она преимущественно себя проявила: ибо, по прошествіи цѣлаго столѣтія, уже значительно усилѣли выясниться характеръ и значеніе этой дѣятельности. Но потребовалось бы очень много времени, если бы я или кто другой сталъ раскрывать характеръ и значеніе дѣятельности Г. П. во всѣхъ сферахъ и за все время ея проявленія,—такъ она разнообразна и продолжительна. Всякому, кто пожелалъ бы съ ней познакомиться, можно указать на біографическіе очерки Г. П., составленные прот. С. В. Протопоповымъ („Странникъ“ 1876, т. 1-й) и проф. Н. И. Барсовымъ („Русская Старина“, 1880 г., т. 27, 28 и 29), а также на рядъ статей, написанныхъ о Павскомъ и его трудахъ и указанныхъ нашимъ почтеннымъ бібліотекаремъ А. Ст. Родосскимъ въ № 4 „Церковнаго Вѣстника“ за 1887 г. Изъ всей многосторонней дѣятельности Г. П. я обращаю ваше просвѣщенное вниманіе только на его ученую дѣятельность и изъ нея главнымъ образомъ на его труды въ области науки св. Писанія. Въ послѣднемъ отношеніи Г. П., можно сказать, является русскимъ Гезеніусомъ, съ которымъ онъ былъ почти сверстникъ и столѣтіе со дня рожденія котораго галльскій университетъ праздновалъ въ февралѣ 1885 года: какъ тотъ, такъ и другой положилъ прочное основаніе для историко-филологическаго метода изученія св. Писанія въ своемъ отечествѣ; но Г. П. превосходилъ своего нѣмецкаго сверстника ши-

ротой своего научнаго кругозора и глубиной знанія отечественнаго языка.

Сынъ благочестиваго русскаго діакона с. Павъ, лугскаго уѣзда, петербургской губерніи, Г. П. еще въ малолѣтствѣ, подѣ влияніемъ своего отца, любилъ чтеніе св. Писанія, особенно Псалтири. Таковая любовь сопровождала его и въ бытность въ петербургской семинаріи. Послѣ поступленія его въ академію, благодаря академическимъ лекціямъ талантливаго преподавателя по св. Писанію, архимандрита Филарета, впоследствии знаменитаго митрополита московскаго, эта любовь Г. П. превратилась въ ученое любопытство, располагавшее основательно изучить и понять св. Писаніе. Но „любая ясность и доказательность, какъ говоритъ самъ о себѣ Г. П. въ одной изъ своихъ объяснительныхъ записокъ Св. Синоду, и желая вѣрить только тому, что твердо стоитъ на своихъ началахъ“, Г. П., при занятіи св. Писаніемъ, скоро долженъ былъ почувствовать необходимость въ основательномъ ознакомленіи съ оригинальнымъ языкомъ библии. Желаніе удовлетворить этой необходимости въ Г. П. сказалось весьма рано. Какъ говорятъ его біографы, онъ уже въ семинаріи довольно хорошо изучилъ языки—еврейскій, греческій, латинскій, а также французскій и нѣмецкій. Поступивъ въ академію, онъ продолжалъ свое лингвистическое образованіе и в частности изученіе еврейскаго языка подѣ руководствомъ проф. Фесслера. Впрочемъ, судя по отзывамъ самого Г. П., отъ Фесслера онъ научился немногому, а большую часть своихъ знаній пріобрѣлъ путемъ самостоятельнаго изученія. Стремленіе достигнуть точнаго и совершеннаго познанія въ области семитской филологіи вынуждало Г. П. иногда жертвовать для занятій этого рода занятіями по другимъ предметамъ. Но эти жертвы не остались невознагражденными: результатомъ его усиленныхъ занятій было то, что,—говорить о себѣ Г. П.,—онъ „узналъ языкъ наилучшимъ образомъ, какъ никто не зналъ изъ его соотечественниковъ и даже изъ чужеземцевъ“; кромѣ еврейскаго языка, онъ изучилъ также арамейскія нарѣчія, языкъ арабскій, а изъ европейскихъ—англійскій. Таковыя познанія скоро были замѣчены и по достоинству оцѣнены бывшимъ въ то время ректоромъ петербургской академіи,

архим. Филаретомъ, который и оставилъ Г. П. бакалавромъ еврейскаго языка при академіи (1814 г.), и который, нужно сказать, и впоследствии всегда высоко чтить филологическія познанія своего ученика.

Сдѣлавшись наставникомъ еврейскаго языка при академіи, Г. П. со всею пылкостью молодой и энергичной души устремился къ посвященію молодыхъ адептовъ богословской науки въ тайны еврейской филологіи. Но на первыхъ же порахъ своей преподавательской дѣятельности онъ почувствовалъ недостатокъ въ руководствахъ для изученія еврейскаго языка студентами академіи. Въ качествѣ учебныхъ руководствъ по еврейской грамматикѣ въ то время употреблялись еврейскія грамматикѣ: Іог. Буксторфія (1650 г.), Тростія (1638 г.), Данція (1706 г.), Михаэлиса (1748 г.), Рэйнекція (1756 г.). Съ одной стороны онѣ, какъ написанныя на латинскомъ языкѣ, не могли служить общедоступными руководствами; съ другой стороны по самому своему характеру онѣ являлись до извѣстной степени устарѣлыми: труды Шультенса и Шредера, явившіеся во 2-й половинѣ 18 вѣка, въ которыхъ изученіе еврейскаго языка освѣщалось данными арабской филологіи, въ значительной степени расширяли кругозоръ гебраистовъ, и заставляли иначе смотрѣть на многія явленія въ области еврейской грамматики. Такимъ образомъ, какъ пужды студентовъ академіи, а съ ними любителей Св. Писанія вообще, такъ и положеніе самого ученаго дѣла располагали дать учебникъ еврейской грамматики, который былъ бы изложенъ на русскомъ языкѣ и въ тоже время болѣе удовлетворялъ современному состоянію данной науки. Г. П. не преминулъ откликнуться на удовлетвореніе этой потребности. Спустя три года, послѣ того какъ онъ сдѣлался наставникомъ еврейскаго языка, въ ноябрѣ 1817 года, мы видимъ, священникъ и магистръ богословія Г. Павскій представляетъ въ петерб. дух. цензурный комитетъ свою грамматикѣ еврейскаго языка, которая, по одобреніи, и была напечатана въ 1818 году. Эта грамматика представляетъ въ русской литературѣ первое произведеніе въ своемъ родѣ. Какъ предназначавшаяся для учебнаго руководства въ духовныхъ школахъ, она отличается краткостію и

ясности изложенія, и въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ для современныхъ школьныхъ руководствъ, которыя, къ сожалѣнію, не всегда отличаются такими свойствами. Послѣ краткаго предисловія, она содержитъ объясненіе правилъ еврейской транскрипціи, фонетики и этимологіи; синтаксиса и просодіи и тѣтъ. Наибольшей основательностію и полнотой въ ней отличаются главы, въ которыхъ излагаются правила транскрипціи и фонетики, а наименьшей — главы, въ которыхъ излагаются правила о слабыхъ глаголахъ. Въ расположеніи правилъ замѣчаемъ строгую систему и стремленіе подвести частныя правила подъ общіе законы, что дѣлалось съ тою цѣлію, поясняетъ въ предисловіи Г. П., „чтобы учащіяся правила древняго языка не столько принимали вѣрою, сколько понимали собственнымъ убѣжденіемъ“. При составленіи грамматики, Г. П. пользовался трудами западно-европейскихъ ученыхъ, въ частности — Михаэлиса, Яна, Шультенса и Шредера. Не видно, чтобы у него въ это время была подъ руками еврейская грамматика В. Гезеніуса, 1-е изданіе которой вышло въ 1813 году, ни тѣмъ болѣе его *Ausführliches grammatisch-kritisches Lehrgebäude der hebräischen Sprache*, — вышедшее въ 1817 году. Хотя то и другое произведеніе нѣмецкаго сверстника Павскаго явилось раньше грамматики Г. П., но, при тогдашнихъ сношеніяхъ съ иностранными книготорговцами, они могли быть извѣстны и доставлены Г. П. не скоро, — съ ними онъ познакомился уже впоследствии. До 1874 г., когда, по благословенію Св. Синода, была издана грамматика В. Гезеніуса, въ русскомъ переводѣ проф. К. Коссовича, грамматика Г. П. оставалась единственнымъ русскимъ печатнымъ руководствомъ по изученію еврейской грамматики въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Да и въ настоящее время, при излишней полнотѣ грамматики Гезеніуса, дурномъ и иногда даже невѣрномъ ея переводѣ, грамматика Павскаго далеко не потеряла своего значенія, какъ учебное руководство, хотя со стороны своего содержанія и языка во многихъ мѣстахъ является устарѣлой. Вскорѣ послѣ изданія грамматики, Г. П. издалъ еврейскую хрестоматію, гдѣ со вкусомъ знатока сдѣлалъ выборъ статей, имѣющихъ филологическій и вмѣстѣ съ тѣмъ догматическій интересъ. До 1875 г.

его хрестоматія, какъ и грамматика, оставалась единственнымъ руководствомъ подобнаго рода въ духовныхъ школахъ. Въ 1875 г., на смѣну ей, явилась хрестоматія К. Коссовича, которая превосходить ее только богатствомъ опечатокъ и ссылками на нѣмецкія руководства. Кромя грамматики и хрестоматіи, Гер. П., въ бытность свою наставникомъ академіи, составилъ также еврейскій и халдейскій словарь къ книгамъ ветхаго завета. Десять рукописныхъ тетрадей этого словаря, приобретенныя отъ проф. Н. И. Барсова, хранятся въ нашемъ академическомъ книгохранилищѣ, и, благодаря любезности бібліотекаря А. Ст. Родосскаго, я имѣлъ возможность получить ихъ для разсмотрѣнія. Онѣ содержатъ еврейско-халдейскій лексиконъ на буквы א—ז включительно. По образцу древнихъ лексиконовъ, слова здѣсь расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Послѣ каждаго слова указано его значеніе, въ какомъ оно употребляется въ в. заветѣ; рѣдко указываются тѣ мѣста Библии, гдѣ встрѣчается извѣстное слово въ данномъ значеніи. Что касается фразеологіи, то она здѣсь совсѣмъ отсутствуетъ. Не находимъ также сравненія еврейскихъ словъ со словами другихъ семитскихъ языковъ, а равно со словами языковъ арійскихъ. Равнымъ образомъ упущенъ изъ виду корневой анализъ словъ и подведеніе ихъ подъ общіе корни, какъ это принято въ новѣйшихъ словаряхъ. Судя по такому характеру словаря Г. П., слѣдуетъ предполагать, что онъ предназначенъ для школьнаго употребленія, откуда и объясняется его краткость. Неизвѣстно, почему этотъ трудъ остался ненапечатаннымъ, хотя, какъ ясно изъ надписи на оборотѣ 1-го листа, онъ уже былъ одобренъ цензурой къ напечатанію; напечатанный въ свое время, онъ былъ бы далеко небезполезенъ. Этими тремя трудами исчерпывается дѣятельность Г. П. Павскаго, собственно какъ гебраиста. Какъ видно изъ нихъ, онъ съ своей стороны сдѣлалъ все необходимое для изученія еврейскаго языка Библии. Но, говорить Г. П. о цѣли изученія этого языка, „не языкъ (еврейскій) былъ мнѣ дорогъ, а св. Писаніе, чистое, неискаженное толкованіями; посредствомъ знанія языка я хотѣлъ дойти до вѣрнаго толкованія св. Писанія. А извѣстно, что вѣрное пониманіе еврейскаго языка

ведеть къ пониманію богословія*. Какъ ясно изъ этихъ словъ, Г. П. смотрѣлъ на изученіе еврейскаго языка, какъ на подготовительную работу для изученія св. Писанія и богословія вообще. Свой взглядъ онъ оправдалъ самымъ дѣломъ.

Основательное знакомство съ семитскими и европейскими языками подготовило Г. П. къ работѣ болѣе сложной и вмѣстѣ полезной для общества, — къ переводу св. Писанія на русскій языкъ. Къ такого рода труду его расположили частію классныя занятія со студентами, а главнымъ образомъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ библейскаго общества, къ чести котораго нужно сказать, что оно первое положило инициативу великаго въ исторіи русской церкви дѣла — перевода св. Писанія на русскій языкъ. Основанное въ 1812 году, это общество, при самомъ же началѣ своего существованія, нуждалось въ лицахъ, знакомыхъ съ оригинальнымъ языкомъ Библіи; и Г. П., въ то время молодой бакалавръ академіи, скоро обратилъ на себя его вниманіе, такъ что уже въ 1815 году, на второй годъ своей службы при академіи, онъ былъ избранъ въ директоры общества, и ему было поручено сдѣлать переводъ Евангелія отъ Маттея на русскій языкъ, который и былъ напечатанъ вмѣстѣ съ переводами другихъ евангелистовъ въ 1817 году. Послѣ этого Г. П. было поручено сдѣлать переводъ Псалтири съ еврейскаго языка, который, по разсмотрѣніи его членами библейскаго общества, былъ отпечатанъ въ январѣ 1822 года. По отпечатаніи Псалтири, общество приступило къ печатанію русскаго перевода на Пятокнижіе, которое и началось въ ноябрѣ 1823 года, причемъ надзоръ за окончательнымъ исправленіемъ корректуръ былъ порученъ тому же Г. П. Павскому. Какъ извѣстно, библейское общество, частію благодаря непріятностямъ, произшедшимъ между его членами, частію благодаря нареканіямъ на мистическое направленіе нѣкоторыхъ его членовъ, въ 1826 году, спустя 14 лѣтъ послѣ своего открытія, должно было прекратить свое существованіе. Но на всеподданнѣйшемъ докладѣ князя Мещерскаго относительно конченыхъ и неконченныхъ переводовъ св. Писанія въ этомъ обществѣ 9 января 1827 года послѣдовала такая резолюція императора Николая Павловича: „Не-

доконченное докончить“¹⁾). Въ исполненіе этой Высочайшей воли, а равно изъ сознанія пользы начатаго дѣла, Г. П. и по закрытіи библейскаго общества, какъ профессоръ еврейскаго языка, въ классныхъ занятіяхъ со студентами продолжалъ переводъ св. книгъ ветхаго завѣта на русскій языкъ, и постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сдѣлалъ переводъ книгъ пророковъ большихъ и малыхъ, кромѣ кн. Іезекииля, и агиографовъ, кромѣ кн. Пѣснь Пѣсней, другими словами, перевелъ почти всѣ книги историческія, пророческія и учительныя, находящіяся въ еврейскомъ текстѣ. Студенты записывали переводы наставника, каковыя записи въ концѣ года исправлялись самимъ Г. П. и передавались изъ курса въ курсъ. По выходѣ Г. П. изъ академіи въ 1835 г., студенты XIII и XIV курсовъ (1838—1841) издали эти переводы въ литографированномъ видѣ, въ количествѣ 450 экземпляровъ, причеиъ въ изданіе былъ включенъ переводъ кн. Іезекииля и Пѣснь Пѣсней, сдѣланный Г. П. уже по оставленіи академіи. Литографированные экземпляры перевода Г. П. быстро разошлись между духовными и свѣтскими лицами какъ столицы, такъ и провинціальныхъ городовъ, но, благодаря нижеуказанному обстоятельству, вскорѣ въ своей большей части были изъяты изъ употребленія. Когда же въ 1857 году состоялось опредѣленіе Св. Синода объ изготовленіи перевода Библии на русскій языкъ и въ видѣ подготовительныхъ работъ было разрѣшено печатать переводы частныхъ лицъ, то въ журналѣ „Духъ Христіанина“ (1862—1863 г.) былъ напечатанъ переводъ Г. П. на книги: I. Навина, Судей, Руѣ, 1 и 2 кн. Царствъ, 1 и 2 кн. Паралипоменонъ, кн. Ездры, Нееміи, Есѣиръ и Притчи Соломона. Переводъ остальныхъ книгъ, за послѣдовавшимъ прекращеніемъ журнала, не былъ напечатанъ; уже позднѣе въ „Русской Старинѣ“ былъ напечатанъ переводъ кн. Пѣснь Пѣсней. Дальнѣйшее печатаніе его можно было бы продолжить частію на основаніи сохранившихся у нѣкоторыхъ лицъ литографированныхъ экземпляровъ, изъ каковыхъ одинъ удалось читать и разсматривать и мнѣ, а частію на основаніи хранящихся

¹⁾ Исторія перевода Библии на русскій языкъ. И. Чистовича, стр. 128.

въ здѣшнемъ академическомъ книгохранилищѣ рукописныхъ тетрадей перевода на книги малыхъ пророковъ, Притчи Соломона и Екклезіастъ.

Относительно характера и достоинствъ самаго перевода Г. П. считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее. Опъ сдѣланъ исключительно съ еврейско-масоретскаго текста въ его общепринятомъ видѣ и обличаетъ въ своемъ виновникѣ прекраснаго мастера своего дѣла. Будучи тонкимъ знатокомъ семитскихъ языковъ, Г. П., съ одной стороны, выдержалъ при переводѣ не только грамматическій и лексическій смыслъ еврейскаго текста, а также и просодическій строй библейской рѣчи, вслѣдствіе чего при чтеніи перевода осязательно ощущается движеніе мысли писателя или пророка, спокойный или неспокойный тонъ его рѣчи, ея повѣствовательный, правоучительный или обличительный характеръ. Съ другой стороны, обладая обширнымъ знаніемъ русскаго языка, Г. П. извлекъ изъ его богатыхъ нѣдръ запасъ такихъ словъ, которыя ближе подходятъ для передачи звуковъ богудохновенной лиры библейскихъ писателей и поэтовъ, чѣмъ даетъ возможность читателю чувствовать прелесть риторическихъ фигуръ и поэтическихъ образовъ библейской рѣчи. Впрочемъ этими внѣшними чертами еще не исчерпывается достоинство перевода Г. П. Будучи глубоко религіознымъ человѣкомъ, достойнымъ носителемъ священнаго сана и вѣсть человѣкомъ съ поэтической душой, Г. П. въ своемъ переводѣ до нѣкоторой степени пріобщается тому божественному вдохновенію, которымъ проникнуты библейскіе писатели, и эхо божественнаго глагола, отразившееся въ ихъ еврейской рѣчи, передаетъ въ формахъ рѣчи св. Руси православною; такъ что подобно тому, какъ о переводѣ Гибдица *Иліады* и *Одиссеи* Пушкинъ сказалъ:

„Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой“,

подобно этому и о переводѣ Г. П. можно сказать, что въ немъ слышны звуки дѣйствительно божественной рѣчи и ощущается присутствіе тѣней—по не языческихъ рапсодовъ, а священныхъ ветхозавѣтныхъ писателей.

Таковъ характеръ и таковы достоинства перевода Г. П. При

всеми тожъ нѣкоторые его отдѣлы, именно переводъ пророческихъ книгъ, а также книги Іова и Пѣснь Пѣсней, въ томъ видѣ, какъ находился въ литографированныхъ студентами экземплярахъ, вскорѣ послѣ своего появленія въ обращеніи, возбуждали подозрѣніе со стороны своей тенденціи. Причиной этого послужило слѣдующее обстоятельство. Нужно замѣтить, что въ литографированныхъ студентами экземплярахъ перевода былъ издавъ не одинъ переводъ библейскаго текста, а также сопровождающія его краткія предварительныя свѣдѣнія о времени жизни того или иного пророка или писателя, времени и повода произнесенія извѣстныхъ рѣчей или пророчествъ, анализъ содержанія таковыхъ и наконецъ нѣкоторыя примѣчанія, поясняющія таковое содержаніе. Далѣе нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній являются недостаточно точными, другія же, какъ—хронологическое опредѣленіе произнесенія рѣчей въ XII, XIV, XXI, XXIV—XXVII, XXXIV—XXXV, XL—LXVI гл. книги пр. Ісаіи, относимыхъ ко времени послѣ вавилонскаго плѣна, примѣчаніе относительно времени исполненія седмиць Даниіловыхъ, каковымъ считается время Антіоха Епифана, какъ равно и самый переводъ этого пророчества, устраняющій его мессіанскій смыслъ, — ясно расходятся съ пониманіемъ православныхъ толкователей св. Писанія. Эти-то примѣчанія и нѣкоторыя неточности въ переводѣ и подали поводъ усумниться въ пригодности переводовъ Г. П., — въ томъ видѣ, какъ они находятся въ литографированныхъ экземплярахъ, — для православныхъ читателей; такъ что св. Синодъ указомъ 13/18 февраля 1842 года приказалъ изъять изъ употребленія экземпляры этого перевода. Вина за появленіе примѣчаній такого рода, равно какъ и за встрѣчающіяся въ текстѣ перевода неточности падала частію на издателей перевода, дѣйствовавшихъ безъ вѣдома Г. П., а частію и на него самого, въ чемъ онъ самъ сознается въ своихъ объясненіяхъ св. Синоду. Дѣло въ томъ, что, пачавъ свои работы по переводу и экзегезу св. Писанія, Г. П. не находилъ для нихъ въ русской литературѣ основательныхъ руководствъ, и долженъ былъ пользоваться трудами нѣмецкихъ ученыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ труды Михаэлиса, Ейхгорна, Розенблю-

лера и Гезеніуса, были проникнуты не только протестантскими, но и рационалистическими тенденціями. Пользуясь ими, Г. П., незамѣтно для себя, усвоилъ ихъ воззрѣнія по экзегетическимъ вопросамъ, что и повлекло за собой до нѣкоторой степени уклоненіе отъ общепринятыхъ взглядовъ по онымъ вопросамъ. Но такое теоретическое уклоненіе отъ взглядовъ православныхъ богослововъ еще не говоритъ объ уклоненіи Г. П. отъ догматовъ и уставовъ православной церкви, послушнымъ и вѣрнымъ сыномъ которой онъ всегда былъ какъ по своей жизни, такъ и по убѣжденіямъ. И подобно тому, какъ оригинальныя мнѣнія по нѣкоторымъ догматическимъ вопросамъ Оригена, Θεодорита и Августина не мѣшали имъ стать великими учителями церкви, такъ и оригинальныя мнѣнія по нѣкоторымъ экзегетическимъ вопросамъ Г. П. нисколько не препятствуютъ намъ признавать его крупной величиной среди русскихъ православныхъ богослововъ.

Изъ другихъ работъ Г. П. по св. Писанію намъ извѣстны: „Обозрѣніе книги Псалмовъ“, — его магистерская диссертация, напечатанная въ 1814 году, и „Примѣчанія на книгу Іова“, находящіяся въ рукописяхъ. Первая книга содержитъ въ себѣ положительныя свѣденія о происхожденіи и времени написанія псалмовъ, причемъ Г. П. первый изъ русскихъ ученыхъ высказалъ взглядъ, что значительная часть псалмовъ Псалтири не принадлежитъ Давиду. Примѣчанія на книгу Іова содержатъ объясненіе первыхъ главъ этой книги, которое имѣетъ строго филологическій характеръ. Авторъ, идя стихъ за стихомъ, послѣдовательно выясняетъ прямой и буквальный смыслъ текста, объясняя встрѣчающіяся при этомъ непонятныя или почему-либо болѣе важныя слова и выраженія чрезъ анализъ ихъ въ еврейскомъ текстѣ и чрезъ снесеніе съ параллельными мѣстами Библии, а тамъ, гдѣ слѣдуетъ, прибѣгаетъ къ даннымъ археологіи и исторіи. Выяснивъ такимъ образомъ смыслъ извѣстнаго стиха, авторъ показываетъ его логическую связь съ послѣдующимъ содержаніемъ главы. Свое объясненіе Г. П. ведетъ по масоретскому тексту, и оно отличается ясностію и краткостію изложенія, хотя можетъ быть вполне доступно только для

лицъ, знакомыхъ съ еврейскимъ языкомъ. По своему характеру и тону оно напоминаетъ толкованіе Розенмюллера.

Трудами по св. Писанію далеко не исчерпывается ученая дѣятельность Г. П. Основательно изучивъ св. Писаніе, какъ первоисточникъ христіанскаго ученія, Г. П., подобно всѣмъ цѣльнымъ натурамъ, стремившійся выработать полное міровоззрѣніе, и, какъ христіанинъ, — міровоззрѣніе, нормируемое христіанскимъ ученіемъ, послѣ Библіи приступилъ къ изученію святоотеческой литературы и исторіи церкви. Большая часть изысканій его въ этой области напечатана въ „Христіанскомъ Чтеніи“, въ изданіи котораго онъ принималъ весьма большое участіе со времени самаго его основанія. По свидѣтельству проф. Н. И. Барсова, разбиравшаго бумаги Г. П. и составлявшаго также систематическій указатель къ „Христіанскому Чтенію“ отъ 1821—1872 гг., переводъ почти всѣхъ святоотеческихъ твореній, напечатанныхъ въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за время 1821—1839 г., принадлежитъ Г. П. Изъ статей патрологическаго содержанія за это время ему принадлежатъ шесть статей о богословіи Григорія Богослова, напечатанныя въ „Хр. Чт.“ за 1828 г. Познакоившись со святоотеческой литературой и церковными писателями, Г. П., какъ говорятъ его біографы, имѣлъ намѣреніе писать церковную исторію, но работы другого характера отвлекли его отъ этого. Тамъ не менѣе послѣ него остались труды, имѣющіе отношеніе къ церковной исторіи. Изъ таковыхъ извѣстны: „Начертаніе Церковной Исторіи“, „О таинственной вечери І. Христа у христіанъ при апостолахъ и послѣ апостоловъ“ (Хр. Чт. 1830), „О состояніи російской церкви подъ управленіемъ патриарховъ (Лѣтопись факульт. 1835). Изъ его трудовъ по систематическому богословію извѣстны: „Чтенія о религіи“, читанныя имъ студентамъ петербургскаго университета, въ бытность профессоромъ богословія, и изложенныя сравнительнымъ методомъ (Хр. Чт. 1821 г.), „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“ и мелкіе трактаты на различныя темы евангельскаго ученія. Въ своихъ трудахъ по патрологіи, церковной исторіи и богословію Г. П. является послѣдовательнымъ примѣнителемъ строго историческаго метода изслѣдованія;

обсуждаемыя имъ явленія въ области церковной жизни и ученія ставятся въ связь съ общимъ ходомъ развитія церковной жизни и сознанія, отчего становятся понятными условія ихъ возникновенія и выясняется самый характеръ и значеніе данныхъ явленій.

Наша характеристика ученой дѣятельности Г. П. была бы далеко неполна, если бы мы не упомянули также о его трудахъ въ области русскаго языкознанія. Оставивъ по нѣкоторымъ обстоятельствомъ еще въ 1827 г. службу при университетѣ, а въ 1835—также при академіи и по законоучительству Наслѣдника Престола, покойнаго императора Александра 2-го, Г. П. остался лишь при должности протоіерея церкви Таврическаго дворца, каковая должность не требовала усиленныхъ занятій. Располагая въ достаточномъ количествѣ свободнымъ временемъ, Г. П. снова обратился къ своему любимому занятію, — изученію языковъ, причеиъ основательно познакомился съ языкомъ санскритскимъ, зендскимъ, съ славянскими нарѣчіями и съ нарѣчіями нѣкоторыхъ финскихъ племенъ. Конечную цѣль таковыхъ работъ составляло изслѣдованіе относительно грамматическаго и лексическаго состава русскаго языка. Здѣсь, въ области этого языка, который по своимъ корнямъ и формамъ такъ же широкъ и богатъ, какъ сама русская земля, и въ научномъ отношеніи такъ же мало разработанъ, какъ русская природа, — было, гдѣ разгуляться богатыхъ филологическихъ силамъ Г. П. И дѣйствительно, наше отечественное языкознаніе обязано Г. П. трудами, которые имѣютъ мало себѣ подобныхъ въ этой области. Разумѣемъ прежде всего его „Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка“ (1841—1842 г.), — трудъ, который можно назвать аналитикой русскаго языка, и который, по выраженію его ученаго критика ¹⁾, составилъ эпоху въ исторіи русской грамматики. Нашъ знаменитый критикъ В. Вѣлинскій о значенія его писалъ слѣдующее: „Павскій одинъ стоитъ цѣлой академіи. Имъ положено прочное основаніе филологическому изученію русскаго языка, показанъ истинный методъ для этого изученія. Журналы не оцѣнили великій трудъ Павскаго, какъ слѣдуетъ, и

¹⁾ Предисл. къ грамматикѣ Ломовосова, изд. 2 отд. ак. в., стр. 54—55.

не оцѣнили потому, что для него, какъ сочиненія совершенно самобытнаго и оригинальнаго, которое полагаетъ основаніе русской филологіи, не нашлось цѣнителей. Но придетъ время, когда сочиненіе Павскаго сдѣлается классическою и настольною книгой для всякаго ученаго, который посвятитъ себя изученію русскаго языка * 1). Изъ другихъ трудовъ Г. П. по русской филологіи извѣстна его „Записка о новомъ изданіи русскаго словаря“ (Изв. 2 отд. ак. н. 1852), и два большихъ, найденныхъ въ его бумагахъ, рукописныхъ тома (около 1500 стр. въ полулистъ мелкаго письма руки самого Г. П.), озаглавленныхъ: „Матеріалы для объясненія русскихъ коренныхъ словъ посредствомъ иноязычныхъ“ (т. 1-й А. Н.; т. 2-й: О.—Ө.). Эти томы представляютъ продолженіе филологическихъ наблюденій, и, по програмѣ Г. П., должны были составить V-ю часть его трудовъ. Они содержатъ списокъ коренныхъ русскихъ словъ, съ выясненіемъ ихъ значенія изъ среднихъ имъ словъ въ индоевропейскихъ, семитскихъ и отчасти уралоалтайскихъ языкахъ. Проявляющіяся въ филологическихъ трудахъ Г. П. широта филологическаго кругозора, полнота анализа и масса знаній приводятъ читателя въ невольное изумленіе предъ высокимъ талантомъ и громаднѣйшею эрудиціей автора, и даютъ право ставить его имя на ряду съ именами Боппа, Сильвестра де-Саси, Гримма и Гумбольдта, первоклассныхъ европейскихъ лингвистовъ. Свои знанія въ русскомъ языкѣ Г. П. между прочимъ примѣнилъ въ переводѣ славнаго памятника древне-русской поэзіи „Слово о полку Игоревѣ“, каковой переводъ считается лучшимъ между другими. Императорская академія наукъ по достоинству оцѣнила значеніе филологическихъ трудовъ Г. П., и въ 1859 г., за четыре года до его смерти, избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

Такова ученая дѣятельность протоіерея Г. П. Павскаго! Своими трудами по еврейскому языку онъ далъ духовно-учебнымъ школамъ и любителямъ св. Писанія вообще орудіе для ознакомленія съ оригинальнымъ языкомъ Библіи; своимъ переводомъ по св. Писанію далъ первый и прекрасный опытъ перевода св. Писанія на рус-

* 1) Сочин. Бялинскаго, т. X, стр. 126.

скій языкъ; въ своихъ объясненіяхъ положилъ прочное основаніе для историко-филологическаго метода изученія св. Писанія; въ трудахъ по святоотеческой литературѣ далъ образцы для построенія богословскихъ наукъ историческимъ методомъ, и, наконецъ, въ трудахъ по русскому языкознанію—капитальныя руководства для изученія отечественнаго языка. Въ своей ученой дѣятельности Г. П. намѣтилъ тѣ пути, по которымъ должна идти академическая наука, для того, чтобы быть знаніемъ, прочнымъ по своимъ основамъ и плодотворнымъ по своимъ выводамъ. Вѣрные завѣтамъ своихъ учителей, преемники Г. П. до послѣдняго времени шли болѣе или менѣе неуклонно по пути своего перваго учителя въ разработкѣ тѣхъ отраслей науки, въ которыхъ отразилась его дѣятельность. Пожелаемъ, чтобы и на будущее время они не уклонялись отъ этого пути, къ чести русской богословской науки, пользѣ общества и къ славѣ памяти достойнаго питомца и наставника петербургской академіи Герасима Павскаго!
